

— Я хочу пересчитать серебро, что сегодня с собой принесли, — пробормотал Юй Шанчжи, и рука его тут же соскользнула с воротника к поясу, как раз в тот момент, когда пальцы Вэнь Ецай коснулись той же пряжки.

Вэнь Ецай поднял глаза — и впервые с удивлением увидел, как бледное, почти просвечивающее лицо Юй Шанчжи окрасилось румянцем. Даже голос у того слегка дрогнул:

— А-Е, давай я сам...

Вэнь Ецай слегка пошевелил пальцами, но тут же почувствовал, как Юй Шанчжи резко, почти с силой, прижал его руку, будто боялся, что те пальцы дотронутся ещё куда-нибудь, куда и самому подумать неловко.

На его лице по-прежнему играла улыбка:

— Вот уж не видал такого мужчины, как ты. Вон, летом все мужики в поле раздеты по пояс — и ничего. А ты тогда что будешь делать?

Юй Шанчжи с полной серьёзностью ответил:

— По пояс — может и прохладнее, но на солнце легко обгореть. Кожа испортится, а если сильно — так и до болезни недалеко. Лучше уж потерпеть, чем потом жалеть.

— Ну да, конечно, один ты у нас весь в разумных доводах, — хмыкнул Вэнь Ецай, поняв, что сию минуту ему вряд ли удастся добиться своего. Немного подумав, он всё-таки убрал руки.

Юй Шанчжи — человек застенчивый, нельзя его вот так сразу прижимать к стенке.

— Ладно, сам так сам. Таз с водой рядом, будь осторожен, не оступись.

Но, даже отступив, Вэнь Ецай вовсе не ушёл — и Юй Шанчжи прекрасно это понимал. Просто тот больше не помогал раздеваться, а стоял тут же, не скрываясь, наблюдая, как он будет справляться сам.

□□.....

Простроив в голове мысленную крепость, Юй Шанчжи всё же решил — нечего мяться, нужно быть откровенным, иначе как такую жизнь дальше жить? В крайнем случае вот подкопит немного денег — да и устроит дома отдельную ванную комнату, чтобы никому не мешать и самому спокойнее.

Он медленно развязал завязки, сперва снял верхнюю одежду. Только собрался было решить, куда её положить, как рядом протянулась рука и забрала её из его рук. Юй Шанчжи неловко кашлянул, на мгновение замер, потом продолжил — стал снимать среднюю одежду.

Раз уж дело дошло до такого, отступить было некуда. Он опустился на корточки рядом с тазом, ощутил, как от воды поднимается мягкий, влажный пар, и торопливо обмыл верхнюю часть тела.

Полотенце было длинное — он встряхнул его, набросил по диагонали на плечи и, закинув руку, тщательно протёр спину.

В это время в комнате послышалось шорох — зашуршала ткань, и почти сразу — характерное плесканье воды, где-то рядом, со стороны Вэнь Ецая. Юй Шанчжи попытался сосредоточиться на своих действиях, но мысли тут же сбились: если у Вэнь Ецая тоже брызги воды — то, возможно, и он сейчас без рубашки...

Сердце у него будто бы споткнулось, а затем с удвоенной силой застучало — бах, бах, словно пытаясь вырваться наружу.

Когда Вэнь Ецай вытерся и снова взглянул на него, то с удивлением заметил, что лицо у Юй Шанчжи покраснело ещё больше. Вот уж не понять, как в наше время ещё остались такие стеснительные мужики, — подумал он про себя с лёгкой усмешкой. А если когда-то и до детей дойдёт, не придётся ли мне самому первым лезть с объятиями и уговорами?

Молодой гер тяжело выдохнул, в душе чувствуя: путь, что он выбрал, будет долг — и непрост.

— А нижнюю часть? Сними уже штаны, я заодно и это постираю, — небрежно сказал Вэнь Ецай, будто речь шла о самой обыденной вещи.

Юй Шанчжи в этот раз даже не подумал — выпалил на одном дыхании:

— Не надо! Я сам постираю!

Но Вэнь Ецай не отступал:

— Не впервой же помогаю! Не болтай зря, давай быстрее. К тому же, ты же не видишь, чисто там или нет — как сам разберёшь?

Юй Шанчжи понял, что в лоб спорить бесполезно, и потому сменил тактику, начав спокойно и сдержанно объяснять:

— У геров и мужчин нижнее бельё лучше стирать отдельно. Если можно, ты и своё, и Эрню

белье отдельно кипятком обдавай, а уже потом суши.

Вэнь Ецай сразу понял: это говорит не просто Юй Шанчжи, а врач. А если уж Юй Шанчжи как доктор советует, то спорить смысла нет.

— Ладно-ладно, понял, — кивнул он, отмахнувшись.

А потом громко добавил, будто для всех:

— Разделю, как скажешь! Давай, снимай уже!

...

Когда спустя время Вэнь Ецай вышел из комнаты с тазом, доверху наполненным грязной одеждой, Юй Шанчжи уже сидел на кровати, переодетый в чистую нижнюю одежду — с лицом таким, будто жизнь потеряла все краски.

Он понял одно: этот гер, Вэнь Ецай, напрочь лишён чувства стеснения в таких делах. И из-за этого все его, Юй Шанчжи, попытки соблюсти хоть какую-то скромность выглядели притворными, жеманными, словно он нарочно ломается, и от этого самому становилось неловко до скрежета в зубах.

Хотя в представлении Юй Шанчжи туалет и купание — две вещи, в которых даже среди близких родных должно быть место для личного пространства и приличий.

Поразмыслив, Юй Шанчжи всё же молча записал про себя: постройка ванной — включить в ближайшие планы. Он тихо вздохнул, поднялся с постели, опёршись на край, затем потянулся к сложенному рядом одеялу и аккуратно развернул его, готовясь к ночлегу.

Спустя какое-то время Вэнь Ецай снова вошёл в комнату, на этот раз с тазом для парения ног. В горячую воду он добавил высушенной полыни — под действием пара запах стал особенно насыщенным. Полынь хорошо действует на нервы, успокаивает и помогает уснуть, так что вдыхать её перед сном — вещь не только безвредная, но и полезная.

Они сели рядом, плечом к плечу, опустили ноги в воду и одновременно издали довольный, расслабленный вздох.

Теперь Вэнь Ецай уже знал, как правильно. Он плохо переносил слишком горячую воду, поэтому, когда разводил воду для парения, в свой таз наливал на полчерпака кипятка меньше, чем в таз Юй Шанчжи. Так каждому доставалось то, что нужно — и было в самый раз.

Юй Шанчжи, утомлённый за два насыщенных дня, думал, что после такой процедуры Вэнь

Ецай сразу отправится спать. Но вдруг услышал знакомый звук — лёгкий звон сталкивающихся медных монет.

— Всё равно сидим без дела, — произнёс Вэнь Ецай. — Я подумал, не мешает пересчитать серебро, что сегодня принесли.

Юй Шанчжи сначала слегка удивился, а потом невольно улыбнулся, уголки губ мягко приподнялись. В самом деле, нет ничего более подходящего перед сном, чем пересчитать деньги — зная точно, сколько в доме осталось серебра и провизии, и сны будут спокойнее. Тем более, что на этот раз в городе были и доходы, и траты — всё лучше подсчитать как следует.

— Я с тобой, — отозвался Юй Шанчжи, повернувшись боком, чтобы сидеть лицом к Вэнь Ецаю.

Кувшин с деньгами, который тот заранее принёс, стоял сбоку, рядом лежал отдельный мешочек с монетами. Вэнь Ецай первым делом развязал мешочек и высыпал из него всё содержимое. За эту поездку в город они сначала выручили 510 вэней, продав дичь и весеннюю зелень. Затем сбыли собранные травы и тот самый кусочек мускуса, что принадлежала Юй Шанчжи: травы дали 5 цяней серебра, а мускус — целых 60 лян.

Из расходов — в аптеке «Байцзитан» они взяли 14 доз лекарств, что обошлось в 3 лян 9 цяней и 20 вэней. Но управляющий Чжоу сделал им одолжение и простил мелочь — те самые 20 вэней. Так что, если всё свести, то из кассы «Байцзитана» им выдали на руки чистыми 56 лян и 6 цяней серебра.

Прибавив к уже полученным 56 лян 6 цяней те самые 510 вэней с продажи зелени и дичи, получалось ровно 57 лян 1 цянь и 10 вэней. Из них 50 лян — это крупные серебряные слитки, по 10 лян каждый, остальное — рассыпное серебро и медные монеты.

Что до расходов — те тоже были немалые.

— Сначала утята — 50 вэней, — перечислял Юй Шанчжи спокойно. — За присмотр за ними отдали тётушке из медпункта ещё 5 вэней. Это всё мелочи. А вот крупные траты — это, во-первых, бык, за него заплатили 20 лян. Повозка — ещё 1 лян. Комплект для измельчения лекарств, включая ступку, обошёлся в 2 лян 9 цяней. Промасленная бумага — 30 вэней, бумага из шелковицы — 5.

Поскольку Вэнь Ецай уже путался в этих числах, всё вспоминал и перебирал пальцами, но так и не мог толком свести в уме, в конце концов сдался, махнул рукой и с укором сказал:

— Голова кругом! Давай ты сам посчитай.

Для Юй Шанчжи такие расчёты были делом нехитрым, и он быстро выдал итог:

— Всё вместе: 23 лян 9 цяней и 90 вэней.

Доходы минус расходы — остаётся 33 лян 1 цянь и 20 вэней. А если ещё прибавить 22 лян 3 цяня, что уже лежали в глиняной банке — то в сумме у их маленького хозяйства накопилось около 55 с половиной лян серебра.

Вэнь Ецай от радости аж расплылся в улыбке до ушей и с воодушевлением вытащил моток пеньковой верёвки:

— Давай-ка мелкие деньги сразу нанизывать, потом считать проще будет!

Медные монеты, как водится, считались по сотне: сто вэней — это одна дьяо, или гуань, что равнялась приблизительно одному цяню серебра. Оба взяли по верёвке и начали нанизывать монеты. Несмотря на то, что Юй Шанчжи не видел, движения его были ловкими и уверенными — чувствовалось, что он не впервой делает такие вещи.

Через некоторое время каждый собрал по пять дьяо. Оставшиеся разрозненные монеты собрали отдельно — чтобы на повседневные покупки всегда было под рукой.

Когда все деньги были убраны в керамический кувшин, Вэнь Ецай хлопнул по его округлому боку, а в глазах у него бушевали сложные чувства. Он вспомнил: когда отец с матерью ещё были живы, дела в доме шли всё в гору, но даже тогда копилка никогда не была такой тяжёлой, как сейчас. А теперь — в доме лежат больше пятидесяти лян серебра, во дворе стоят вол, куры, утки.

С Юй Шанчжи рядом не нужно больше бояться за болезнь Санъя, а деньги, припрятанные в сундуке, гарантируют, что Эрню получит достойное приданое. Причём — и лечение для Санъя, и большая часть этих пятидесяти с лишним лян, и даже вол с повозкой — всё это пришло в его жизнь вместе с Юй Шанчжи.

Пока Вэнь Ецай молчал, погружённый в мысли, Юй Шанчжи тихо спросил:

— Ты что-то вспомнил? Или о чём задумался?

Вэнь Ецай очнулся от раздумий и быстро постарался взять себя в руки. Вот ведь странно... — подумал он. — Всё ведь хорошо, одно за другим — радости, а в глазах будто горячо становится...

— Сейчас допарим ноги, и я всё уберу, — сказал он, тыльной стороной ладони быстро провёл по глазам, а ногами задвигал в тазу, поднимая брызги.

— Вода почти остыла, — добавил он тоном, который, как ему казалось, звучал вполне обычно, без надрыва.

Но Юй Шанчжи, хоть и не видел, расслышал в этих словах что-то не то. Он не умел читать мысли Вэнь Ецая, не знал, что именно тому сейчас на сердце, но мог с уверенностью сказать одно — настроение у маленького гера стало чуть глуше, будто на душу легла тень. Или, может быть... воспоминания о чём-то глубоком, трогательном.

Он задумался и понял: если что и способно вызвать у Вэнь Ецая такую тёплую, щемящую грусть — так это, скорее всего, мысли о его покойных родителях. Подумав об этом, Юй Шанчжи чуть опустил ресницы, на секунду сосредоточился, прикинул дату и, мягко сказал:

— А-Е, через пару дней уже Цинмин. Можно... мне вместе с тобой пойти навестить твоих отца с матерью?

Вэнь Ецай всё ещё задумчиво смотрел на своё отражение в воде, когда неожиданно услышал слова Юй Шанчжи.

— Ты хочешь навестить моих родителей?

Юй Шанчжи с мягкой улыбкой ответил:

— Я ведь теперь зять в семье Вэнь. Конечно, должен пойти и поклониться.

Поход на могилу в день Цинмин — дело не рядовое. Это не просто обряд, а важнейшее семейное событие. А раз теперь между ними всё сказано, и чувства открыты, тогда пойти с благовонием к предкам — значит окончательно и официально признать перед ушедшими родителями: я — их человек, я отдал своё сердце, “пришел в семью”.

Все прежние тяжёлые и спутанные мысли в одну секунду развеялись без следа. Вэнь Ецай не сдержался: распахнул руки и крепко обнял Юй Шанчжи, уткнувшись лбом ему в плечо и даже ласково потеревшись.

— Шанчжи, ты такой... такой хороший.

Юй Шанчжи сначала только замер, не зная, как реагировать на такой порыв. Лишь спустя несколько мгновений, осознав всё до конца, он медленно поднял руки и мягко обнял Вэнь Ецая, положив ладонь ему на спину.

Это был первый раз, когда Юй Шанчжи так близко прижимался к Вэнь Ецаю. Только прикоснувшись, он вдруг понял — этот маленький гер, который в обычной жизни всегда казался таким бодрым, живым и даже слегка задиристым, на самом деле всё ещё юн, да к тому же и худой донельзя. Под ладонью — один за другим ощутимые, острые, как гребень, позвонки. Сердце сжалось, и Юй Шанчжи непроизвольно обнял его крепче.

Вэнь Ецай почувствовал эту ответную ласку — и его улыбка стала ещё теплее, ещё глубже.

Они просидели так долго, пока вода в тазу окончательно не остыла. Но Вэнь Ецай помнил: Юй Шанчжи не раз говорил, что если продолжать держать ноги в остывшей воде, это пойдёт не на пользу. С явной неохотой он выбрался из объятий, встал и вынес таз на улицу, чтобы вылить воду.

Брызги разлетелись в стороны. Даван и Эрван, лениво подняв головы, уловили знакомый запах полыни, поморщили носы и, не оборачиваясь, отступили немного в сторону, устраиваясь поудобнее подальше от пролитой влаги.

Если бы Вэнь Ецай был один, он бы, конечно, сразу вернулся и лёг спать, не задумываясь. Но Юй Шанчжи напомнил: они ведь только что пересчитывали деньги, а значит, руки непременно нужно вымыть. Сначала Вэнь Ецай фыркнул — подумаешь, монеты, кто их не трогал... Но стоило Юй Шанчжи спокойно, с деталями, описать, сколько рук за день проходят через эти деньги — с рынков, с лавок, с грязных улиц — у него тут же по коже побежали мурашки, и мысль о том, чтобы лечь спать с такими руками, стала невыносимой.

Так он не только снова принёс воду, но и захватил с собой два куска заоцзяо* — деревенское средство, которое заменяло и мыло, и шампунь.

(ПП: это плод дерева *Gleditsia sinensis*, также известного как китайская гледичия или мыльное дерево. Плод представляет собой твёрдый изогнутый стручок, внутри которого содержатся семена и мыльные вещества (сапонины). При размачивании и трении даёт обильную пену, поэтому его использовали как природное мыло.)

Юй Шанчжи, хоть и не был особенно привычен к такому способу, ловко начал тереть плод между ладонями, намыливая руки. Пальцы его плавно скользили друг по другу, пена медленно всплывала, и в этом движении было что-то завораживающее — настолько, что Вэнь Ецай устался, не в силах оторвать взгляда.

— А-Е, в деревнях всегда заоцзяо моются? — нарушил молчание Юй Шанчжи. Он хотел завести с Вэнь Ецаем один разговор, вспомнив кое-что насчёт заоцзяо, но пришлось повторить вопрос дважды, прежде чем тот очнулся:

— О-о... — Вэнь Ецай резко спохватился, поспешно схватил другой плод и начал яростно тереть руки, одновременно отвечая: — Конечно, в деревне заоцзяо моются. У нас в горах деревья такие растут, главное — успеть вовремя собрать. Один мешок — на целый год хватает. И голову, и тело, и одежду — всё можно ею мыть. А некоторые, когда бельё стирают, ещё и древесной золы добавляют — говорят, отбеливает.

Юй Шанчжи кивнул, опустил руки в таз и тщательно смыл с них пену.

— А в городе что используют? Тоже заоцзяо? — уточнил он.

Вэнь Ецай покачал головой:

— Нет, у горожан есть штуки посложнее: мыльный порошок зоудоу и мыло, которое зовут и-цзы.

(ПП: зоудоу - это порошок, который древние китайцы использовали для мытья. Его готовят из бобового порошка с добавлением лекарственных препаратов в форме бобов ** и-цзы - композитное чистящее средство, изобретенное в Древнем Китае, которое содержит свиную поджелудочную железу и древесную золу.)

Услышав знакомые названия, Юй Шанчжи сразу ощутил, как в голове всё встало на место.

— А зоудоу часто покупают? Где продают? Примерно сколько стоит — ты не помнишь?

Вэнь Ецай, услышав вопросы Юй Шанчжи о зоудоу и мыльных бобах, сразу решил, что тому попросту не по нраву деревенское средство и хочется чего-то привычного — например, зоудоу. Всё же раньше он был господином, да ещё из хорошего дома, такие замашки вполне понятны.

— Зоудоу тоже разный бывает, — заговорил он с воодушевлением. — В простых лавках можно купить подешевле — десяток-другой шариков за несколько десятков вэней. А если в парфюмерную или в лавку румян зайдёшь — там уже ящики по несколько лян серебра продаются, это уж для богатых домов, простому человеку и в руки не попадёт.

Дойдя до этого места, он с уверенностью хлопнул себя по груди:

— В следующий раз, как поедem в город, я тебе куплю — точно понравится!

Лишь тут Юй Шанчжи понял, в чём дело, и с усмешкой покачал головой:

— Я ж мужчина, мне не до изысков. Главное, чтобы чисто было — зоудоу вполне достаточно. Я вовсе не хотел его покупать... Я подумал, может, стоит самим делать зоудоу и продавать. Как тебе идея?

— Ты умеешь делать зоудоу?! — изумился Вэнь Ецай.

Для деревенских жителей сама по себе вещь вроде зоудоу — уже редкость, что уж говорить о её изготовлении. Большинство и в руках-то таких шариков не держали ни разу. Сам Вэнь Ецай тоже узнал о них лишь потому, что частенько бывал в городе и за годы наслушался всякого — вот и знал чуть больше, чем окружающие.

— Умею, — спокойно ответил Юй Шанчжи. — На деле зоудоу — это просто смесь лекарственных трав и ароматических компонентов. Ведь, как говорится, «аромат и лекарство — одного корня», потому я в своё время и занялся этим вплотную.

И не только занимался — он в своё время перелопатил немало старинных рецептов из древних трактатов, а потом, от нечего делать, даже восстановил несколько формул вручную, просто ради интереса. Позже эти восстановленные рецепты выкупила его двоюродная сестра, которая в столице занималась созданием традиционных травяных средств по уходу за кожей. Говорили, после выхода на рынок продажи у неё пошли весьма неплохо.

— Я думаю, идея отличная! — хлопнул в ладони Вэнь Ецай. — В городе ведь богачей пруд пруди, такое добро точно не залежится.

Юй Шанчжи помолчал немного, обдумывая всё ещё раз, и кивнул — да, на деле это вполне осуществимо.

— У нас теперь есть на руках кое-какой капитал. Можно попробовать начать с малого — не в большом количестве, а так, понемногу. Пусть доход не постоянный, но хоть что-то. Раньше я думал, может, попробовать продавать травы в городе, но после разговора с людьми из Байцита стало ясно — обычных трав у них хватает, аптеки и лечебницы в этом не нуждаются. Лучше уж оставить их, чтобы готовить отвары для местных жителей. А вот если попадётся что-то редкое, дорогое — тогда можно сбыть. А в остальное время... делать такие вещи, как зоудоу. Труд один и тот же, но прибыль с этого куда выше.

Эта длинная речь немного сбила Вэнь Ецай с толку — он даже нахмурился, чтобы всё переварить. Но, обдумав, наконец уловил суть и с одобрением закивал: теперь он понял, к чему ведёт Юй Шанчжи.

— Понял, — кивнул Вэнь Ецай. — Если всё так, как ты говоришь, я смогу реже ходить в горы, а вместо этого — оставаться дома, помогать с делами... и больше времени проводить с вами.

Услышав это, Юй Шанчжи, наконец, немного выдохнул с облегчением. Ведь именно это с самого начала и стало его причиной искать для семьи новое, более безопасное дело. Охота — вещь слишком опасная. В глухих лесах полным-полно всяких неожиданностей. Как тогда, когда Вэнь Ецай укусила ядовитая змея — задержались бы всего на чуть-чуть дольше, и всё могло закончиться смертью. Это был наглядный пример.

Но Юй Шанчжи не хотел прямо вмешиваться в выбор. Охотник — это профессия. А раз Вэнь Ецай её выбрал, то это следует уважать. Однако теперь, когда тот сам заговорил о том, чтобы сократить вылазки, Юй Шанчжи решил развить мысль и осторожно предложил:

— Раз уж чем труднее добыча, тем дороже она стоит... А-Е, ты когда-нибудь пробовал использовать при охоте снотворные средства? Например, маяо — усыпляющий яд?

В наше время для поимки диких зверей люди применяют технику с духовой трубкой и маяо — такие способы, в сущности, существовали ещё с древности. Он не был уверен, знаком ли Вэнь Ецай с подобным.

Оказалось, что Вэнь Ецай про яды, способные усыпить зверя, лишь слышал мельком, но никогда не видел своими глазами и тем более не пробовал.

— Мой отец охотничьему ремеслу учился у старого охотника, что жил в горах, — начал вспоминать Вэнь Ецай. — Тот поставил лишь одно условие: чтобы отец в старости за ним приглядывал и похоронил по-человечески. После его смерти в вещах осталась маленькая бутылочка с ядом. Говорил, что этим можно усыпить даже тигра. Отец потом с этой самой штукой завалил медведя — продал шкуру, мясо, кости — и на вырученные деньги построил дом.

Честно говоря, когда отец рассказывал о той охоте, всё это звучало как сказка — с такими прибаутками, что впору сомневаться, не выдумал ли он всё от начала до конца. И если бы не тот самый дом и не шкура медведя, до сих пор лежащая в сундуке, Вэнь Ецай бы, пожалуй, так и думал, что это байка для детей.

— Дай мне немного времени, — спокойно сказал Юй Шанчжи. — Я думаю, смогу воссоздать такую смесь.

А зная Юй Шанчжи, Вэнь Ецай понимал: если тот говорит «думаю, смогу», значит, обязательно сделает. Он вышел во двор, чтобы занести и таз с водой после умывания, а когда вернулся в комнату, с удивлением заметил, что Юй Шанчжи уже лёг в постель — устроился под одеялом, аккуратно оставив рядом место для него самого.

Вэнь Ецай тут же ускорил шаг, бросился к кровати... и только подбежав, вспомнил: свет-то так и не погасил.

В темноте Юй Шанчжи только и слышал, как приближаются торопливые, чуть шаркающие шаги, а затем — как рядом с ним на постели что-то мягко прогибается под тяжестью.

Они укрывались одним большим одеялом, и ничто уже не могло встать между ними. Тёплое тело придвигалось всё ближе, а пушистая макушка то и дело тёрлась, словно пытаясь устроиться поудобнее. Поняв, что Вэнь Ецай опять лезет к нему в объятия, Юй Шанчжи только тихо вздохнул и, подняв руку, молча прижал его к себе. Вэнь Ецай с довольным вздохом устроился в его объятиях, улёгся поудобнее, словно наконец вернулся на своё место.

Оба были до изнеможения уставшие: рана у Юй Шанчжи в затылке поднывала тянущей болью, а у Вэнь Ецайя не осталось ни сил, ни желания размышлять о чём-то лишнем.

И в ту ночь, словно по чудесному совпадению, Юй Шанчжи — который прежде и от лёгкого прикосновения мог не сомкнуть глаз до рассвета — спокойно заснул рядом с другим человеком под одним одеялом. Ровное дыхание его супруга постепенно стало сливаться с его собственным в единый, убаюкивающий ритм.

На рассвете деревню окутал тонкий слой тумана, будто лёгкая вуаль. Один за другим по

дворам стали подниматься лёгкие струйки дыма — это зажигали печи, встречая новый день.

Юй Шанчжи проснулся довольно поздно. Открыв глаза, он сразу заметил, что место рядом уже пусто. Приподнявшись, он на ощупь нашёл аккуратно сложенную у изголовья одежду и, не торопясь, оделся с головы до ног. Приведя себя в порядок, он вышел из спальни.

За стеной, снаружи, воздух оказался заметно прохладнее, чем в доме — холодная свежесть окончательно развеяла остатки сна. Прислушавшись, он уловил, откуда доносились весёлые голоса — из комнаты Эрню и Санья. Среди смеха и болтовни он отчётливо различил голос Вэнь Ецай.

Юй Шанчжи направился туда и остановился прямо у порога.

Первой, кто его заметил, была Эрню — она как раз играла у входа. Завидев его, радостно воскликнула:

— Брат Юй, ты проснулся! Смотри, это брат подарил мне — деревянная вертушка, от ветра крутится!

Она, подпрыгивая от восторга, показывала игрушку, но вдруг её взгляд упал на глаза Юй Шанчжи, и она сразу осеклась:

— Ай... я забыла... — пробормотала девочка, смущённо опуская голову.

Брат Юй ведь слепой... что же я ему — вертушку показываю? — осознала Эрню, и сразу прикусила язык.

Но Юй Шанчжи не только не обиделся — он тепло улыбнулся:

— Твой брат ещё при выборе сказал: «Эрню точно понравится». И, как вижу, он не ошибся.

— Я знала! Знала, что брат помнит, как я в прошлый раз сказала, что хочу вертушку! — с радостью воскликнула Эрню, сделала круг на месте, потом подбежала к Вэнь Ецаю.

— Брат, а ты так и не сказал, зачем водил брата Юя в медицинский зал? Если лечили глаза — почему они не вылечились?

Ответа на это, конечно, дать было нельзя. Вэнь Ецай в этот момент как раз с Санья возился с деревянной головоломкой — лобансуо. Услышав вопрос, он специально прикинулся небрежным:

— Он мне муж, а не тебе. Что за допрос такой?

Эрню, как и ожидалось, тут же сбилась с темы и обиженно уперлась руками в бока:

— Хм! Вот увидишь, когда я себе мужа искать буду, обязательно выберу лучше, чем брат Юй!

Юй Шанчжи, услышав это, даже немного замер в замешательстве. В его представлении Вэнь-эрню всё ещё была почти ребёнком — ну, разве что ученица начальной школы. А ведь ей уже двенадцать. В этом мире — возраст, в котором вполне можно говорить о сватовстве.

Он слегка покачал головой. Против таких вещей, против этих укоренившихся традиций, он в одиночку ничего сделать не сможет.

Но всё же, если дальше в доме всё будет хорошо, если жизнь наладится, возможно, Вэнь-эрню удастся выйти замуж чуть позже. В воспоминаниях прежнего хозяина тела, которого теперь заменил Юй Шанчжи, это считалось особой формой родительской заботы — если дочь оставалась дома подольше, значит, её действительно ценили и не спешили «спихнуть» в чужой дом.

А Вэнь Ецай и вовсе не воспринял слова сестры как вызов — только хмыкнул:

— Ты бы сперва на себя посмотрела. Вечно носишься, как курица с отрубленной головой — да какой приличный парень на такую глядеть станет?

Увидев, что брат с сестрой вот-вот начнут пикировку, Вэнь-санья быстро вмешался — с привычной лёгкостью сменил тему. Он поднял над головой недособранный лобансуо и повернулся к Юй Шанчжи:

— Брат Юй, я с этим никак не разберусь. А брат сказал, ты умеешь его собирать.

Юй Шанчжи сразу подошёл и сел рядом, готовый помочь. А Вэнь Ецай тем временем потащил Эрню во двор — разогревать воду для умывания. На ходу ещё и пальцем ткнул в сторону комнаты:

— Вот, смотри, если хочешь найти мужа получше, чем брат Юй, он хотя бы должен уметь собирать лобансуо!

Эрню надулась, отвернулась, всем видом показывая, что не согласна — ну умеет он головоломки, и что? Их, что ли, едят? Да, умение — это хорошо, но сытой от него не станешь... — подумала она с ворчливой прямоотой, присущей только детям.

Да просто он — старший брат, и брат Юй ему нравится, вот и всё, — с досадой подумала Эрню,

глядя им вслед. Что бы брат Юй ни сделал — всё хвалит без конца.

Даже когда брат с сестрой уже ушли, через тонкую стену всё ещё можно было слышать их голоса — легкие, поддразнивающие, живые. А в комнате Юй Шанчжи всё так же сидел с улыбкой на губах, терпеливо объясняя Вэнь-санья, как разобрать и собирать лобансуо.

Вэнь Ецай и вправду отлично знал своих младших. Если дать эту головоломку Эрню — она через минуту её швырнёт, как лишнюю мороку. А вот для Санья такая игрушка — в самый раз: увлекает, развивает, и время проходит незаметно.

Пока тот возился с деталями, Юй Шанчжи невзначай взял его за запястье и прощупал пульс, мягко спросив:

— А ночью хорошо спишь? Просыпаешься от кашля?

— В последнее время почти не просыпаюсь, — серьёзно ответил Санья, не отвлекаясь от лобансуо. — А если и проснусь, то ненадолго — быстро снова засыпаю.

Юй Шанчжи кивнул про себя, отметил про себя изменения. А затем, глядя, как ребёнок увлечённо возится с деревянной головоломкой, вдруг спросил:

— Твой брат говорил, что ты раньше ходил в сельскую школу. А тебе самому нравится учиться?

Вэнь-санья отложил лобансуо перед собой и серьёзно кивнул:

— Нравится. Хотя качать головой и заучивать вслух скучно... но я запоминаю быстро, и учитель меня хвалил, поэтому мне и нравится.

Такой неожиданный и по-детски прямой ответ заставил Юй Шанчжи невольно улыбнуться. Он протянул руку и погладил мальчика по макушке. У Санья волосы были не такие упругие и густые, как у Вэнь Ецай или Эрню — с детства болел, потому и локоны у него мягкие, тонкие, как у младенца.

— Когда здоровье окрепнет, мы тебя снова в школу отправим, — сказал Юй Шанчжи. — Что скажешь?

Вэнь-санья тихо, но с воодушевлением вскрикнул:

— А когда я смогу пойти?

Юй Шанчжи не хотел давать пустых обещаний, потому осторожно прикинул сроки, рассчитал

примерный ход выздоровления и мягко ответил:

— Сейчас весна. Тогда слушай: брат Юй тебе обещает — постараемся, чтобы к следующей весне ты уже мог пойти. Хорошо?

Этот срок, похоже, оказался куда короче, чем ожидал сам Санья — его глаза тут же засветились, заискрились от радости. Он с жаром закивал и даже торжественно протянул мизинец, чтобы скрепить обещание крючком. Юй Шанчжи с улыбкой подал свой в ответ.

Во время завтрака Вэнь-санья, не выдержав, с радостью поделился новостью с братом и сестрой. Вэнь-эрню тут же скорчила мученическую гримасу и, глядя на младшего брата, сделала лицо, полное трагического недоумения, как будто не могла поверить в его наивность.

— Ох, мой глупенький Санья, ну что хорошего в этой зубрёжке! Вот выздоровеешь — я тебя лучше с собой возьму: змея ловить, в речке рыбачить, на деревья лазить, вороны гнёзда искать — вот это весело!

Но Санья, похоже, был к таким развлечениям равнодушен, в то время как Эрню, жуя маньтоу, расписывала прелести своего плана с невероятным воодушевлением.

Юй Шанчжи спокойно размешивал кашу в своей чашке, а рядом с ним Вэнь Ецай, очищая варёное яйцо, наклонился ближе и шепнул:

— Ты правда считаешь, что за год можно поставить Санья на ноги?

Юй Шанчжи ответил так же тихо:

— Не беспокойся. Я всё продумал. Года вполне хватит, чтобы укрепить его основу. Не будет уже такого, чтобы чихнул — и слёг. А что до школы — пусть она и далеко, но у нас теперь есть повозка с волом. В крайнем случае будем возить его каждый день.

Вэнь Ецай задумался и пришёл к выводу, что в словах Юй Шанчжи есть смысл. Раньше он не осмеливался продолжать обучение Санья именно потому, что тот не переносил ни холод, ни жару — стоило подуть ветру или пройти мелкому дождю, как у мальчика поднималась высокая температура. В итоге в месяц он мог побывать в частной школе всего пару раз, а между тем зря тратились деньги на обучение, да и здоровье от таких попыток только ухудшалось.

А вот если потом здоровье станет крепче, и ездить можно будет туда-сюда на воловьей повозке — это действительно уже другое дело, куда надёжнее.

Он улыбнулся, и, довольный, уже собирался положить очищенное яйцо в чашку Юй Шанчжи. Юй Шанчжи заметил движение и хотел было остановить, но было поздно — яйцо уже упало в его кашу.

Он ничего не сказал, не рассердился, только спокойно поднял палочки, разломил яйцо пополам и, вместе с чашкой, подвинул её к Вэнь Ецяю:

— Держи. По половинке нам обоим.

<http://bllate.org/book/13600/1205946>